

ЗАМЕТКИ О ХРИСТИАНСТВЕ В ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

В. А. КОЛЬЧЕНКО

(ИИ НАН КР)

1. Конфессиональные течения и данные археологии

На территории Чуйской долины известно несколько археологических памятников, определяемых как христианские. Это: 1) строения; 2) отдельные захоронения и кладбища с надгробными камнями; 3) отдельные предметы с соответствующей символикой.

Строения

К строениям относятся два объекта, раскопанных на городище Ак-Бешим (в 8 км от г. Токмак): церковь к востоку от шахристана с некрополем во дворе (?-К.В.) (Кызласов 1959, С. 231-233) и “христианский комплекс” в юго-восточном углу шахристана (Семенов, 1999:73).

Л.Р. Кызласов датирует раскопанный его отрядом в 1954 г. IV объект VIII веком, основываясь при этом на находках тюркешских, “круга тюркешей”, т.е. тухуских и китайской монетах, строительной технике и материалах и, в меньшей степени, архитектурно-планировочных параллелях. Вопрос об отнесении памятника к тому или иному течению в христианстве исследователь обходит стороной (Кызласов, 1959:231-233, 241).

В конце 1980-х годов А.М. Высоцкий возвращается к рассмотрению данных об этом памятнике. Основываясь на опубликованных данных, отраженных очень суммарно и тезисно и, вследствие этого, перенося акцент на архитектурные параллели, он датирует памятник несколько более ранним временем – сер.VII – VIII вв. (Высоцкий 1989). Но как быть с монетными находками? Ведь династия тюркешей пришла к власти в Семиречье в 699 – 704 гг., т.е. в начале VIII в.

Исходя из этого факта датировка, предложенная Л.Р. Кызласовым, представляется более предпочтительной.

В 1990-х годах исследования на Ак-Бешиме были возобновлены. В 1997-1998 гг. в рамках совместного проекта Института Истории НАН КР и Эрмитажа (Россия), а в 2000 – 2001 гг. Ак-Бешимским отрядом ИИ НАН КР при поддержке фонда Ата-Мураз исследовался объект VIII в юго-восточном углу шахристана. Работы не завершены и полученные материалы еще не опубликованы. Однако в некоторых предварительных публикациях дана датировка и атрибуция памятника – христианский несторианский комплекс X - нач. XI вв. Причем такую атрибуцию “подтверждают, помимо планировки, и находки нескольких *несторианских* крестов (выделено нами – К.В.), а также сирийские надписи” (Семенов, 1999:73-74). Являясь участником этих работ, мы имеем возможность конкретизировать данные.

Датировка основана на нахождении на полах незначительного количества глазурованной (поливной) керамики и единичных, плохой сохранности, монет караханидского облика (при преобладании тюркешских и тухуских на полах и в заполнении помещений). Впрочем, это не исключает более раннего возникновения комплекса или его отдельных частей – подстилающие пол слои не исследовались.

Говоря о “нескольких несторианских крестах” Г.Л. Семенов имеет в виду, вероятно, их изображения на двух фрагментах терракотовых плакеток (плиток) и небольших изделиях из необожженной глины. На плакетках – рельефно переданные кресты с удлиненной нижней частью и расширяющимися от перекрестья к концам краями в обрамлении ряда других элементов. Один из подразумеваемых Г.Л. Семеновым фрагментов плакетки является частью матрицы с согдийской надписью на обороте. В 2001 г. было найдено еще несколько аналогичных изделий и их фрагментов. Целая плакетка, с несколько отличным оформлением, но такой же иконографией креста, была найдена в полевом сезоне 2000 г.

На одном изделии из необожженной глины, вероятно – детали декора интерьера, прочерчен равноконечный крест с расширяющимися концами, а на другом – равноконечный крест, образованный пересечением двух прямых отрезков. Горизонтальная часть относительно большого бронзового креста, по всей видимости - требного, найденная в 2000 г., также имеет прямолинейные очертания и окончания с двумя каплями. Поэтому, нахождение такого количества крестов бесспорно относит памятник объекта VIII к разряду христианских, но их неоднородная иконография не позволяет, на наш взгляд, делать однозначное заключение о несторианской принадлежности комплекса.

Что же касается “сирийских надписей”, под которыми подразумеваются фрагменты одной страницы (или нескольких слипшихся) найденной рукописной книги, законсервированных в полевых условиях и хранящихся ныне в Институте Истории НАН КР, то необходимо сказать, что качество сделанных в поле фотоснимков и отсутствие в составе отряда специалиста-сиролога делает заключение о языке и даже о шрифте лишь вероятностным. Но даже если допустить, что надпись сирийская, более того – написана не яковитским (серто) или мелькитским, а несторианским письмом, то заключение о принадлежности христианского комплекса именно несторианам все же остается преждевременным. В соседнем Восточном Туркестане известны случаи обнаружения в средневековых библиотеках, помимо основной массы сочинений, принадлежащих к одному направлению религиозной мысли, отдельных сочинений других течений (**Восточный Туркестан, 1992:548**).

Планировочные решения также свидетельствуют лишь о христианской принадлежности ансамбля, но не об отнесении к тому или иному течению внутри него. Споры о правах собственности на конкретный собор среди различных христианских общин велись на протяжении всей истории церкви, по крайней мере с раннего средневековья (**Пигулевская, 1946:262**), и вплоть до современности. С другой стороны – среди аналогов к средневековым христианским памятникам Средней Азии зачастую привлекаются и армянские церкви (напр.: **Высоцкий, 1990:94**). Но Армянская церковь не несторианского толка!

Таким образом, соглашаясь с Г.Л. Семеновым в датировке объекта VIII на городище Ак-Бешим, с указанной оговоркой, и его атрибуцией как христианского, считаем несторианскую принадлежность комплекса вероятностной и недоказанной исследованными материалами раскопок.

Некрополи. Намогильные камни

Средневековые кладбища христиан в Чуйской долине в разное время были открыты на городищах: Ак-Бешим, во дворе церкви (IV объект) (**Жызласов, 1959:231-233**); Бурана (“близ Токмака”), к югу и северу от шахристана (Ядринцев 1886); Кара-Джигач (“Пишпекское”) – к юго-востоку от г.Бишкек (Пантусов 1886). Отдельные захоронения и намогильные гальки и кирпич известны с городищ Красная Речка (**Бернштам, 1941:20; Борисов, 1963:56-57; Горячева, Перегудова, 1994:93-94**) и 4-Ново-Покровского (в музее школы № 1 с. Ново-Покровка, инв.№ 120). Представляет интерес и информация Н. Пантусова: “Киргизы говорят так же, что встречаются большие каменные памятники с крестами по реке Чу значительно ниже Пишпека, в нескольких десятках верст от последнего” (**Пантусов, 1886:78**). Но материального подтверждения она пока (?) не имеет. Оставив вопрос о погребальных сооружениях для отдельного

рассмотрения, обратимся к христианским эпитафиям. При этом, не будучи филологом, будем опираться на работы специалистов в данной области.

Точное количество найденных в Чуйской долине (а также на Иссык-Куле и у Алмалыка) христианских надгробных камней неизвестно. Приводятся цифры порядка 700 экземпляров (**Джумагулов, 1987:38**). Все они выполнены сирийскими буквами, за исключением одной надписи, частично написанной армянской графикой (Март 1894). В языковом отношении это сирийские, сиротюркские, тюркские и один, вышеназванный, армянский тексты.

В центре лицевой стороны камня помещается изображение креста. (В эпитафиях из Алмалыка он, как правило, более мелкий и расположен в верхней части.) Его обрамляют горизонтальные, написанные справа налево строки сверху и снизу, и вертикальные, читаемые сверху вниз, расположенные справа и слева от него. Количество строк с каждой стороны – 1-2, реже – до 4. Впрочем, строки могут отсутствовать по сторонам, сверху или снизу. В отдельных случаях надписи могут отсутствовать вообще.

В отношении лишь одной надписи однозначно фиксируется ее не несторианский, а монофизитский (армянский) характер, и делается вывод о существовании общины этого направления (**Март, 1894:348**). Остальные надписи большинство исследователей атрибутируют как несторианские.

Учитывая твердость и неподатливость материала - камень, - многие специалисты-филологи предпочитали не определять почерк как эстрангело, несторианский, яковитский или мелькитский, а только указывали на его сирийский характер. Впрочем, Д.Хвольсон писал: “Все наши надписи принадлежат несторианам и писаны сирийско-несторианскими письменами более позднего типа ... В них письмена начинают переходить в курсивные и являются совершенно новые формы для некоторых букв” (**Хвольсон, 1886:85**). Ч. Джумагулов однозначно считает шрифт несторианским, не приводя, однако, сколько-нибудь убедительной аргументации, ограничившись воспроизведением сравнительной таблицы К. Броккельмана и К.Ц. Церетели (**Джумагулов, 1971:23-24**). Эстрангело, будучи древнейшей формой сирийского книжного и эпиграфического письма, сложившегося к I – II вв. на основе финикийского, является маюскульным, т. е. письмом с отдельным написанием букв (**Мещерская, 1987:124, 127**), в то время как на рассматриваемых памятниках буквы в словах написаны курсивом, слитно, т.е. использовано миюскульное написание. В отношении написания некоторых букв, например ‘тав’, П.К. Коковцов, вслед за Д. Хвольсоном, говорит о ее графике, характерной для мелькитов или яковитов (монофизитов), но не для эстрангело или несторианского почерков и приводит статистические выкладки по начертанию этой буквы на имевшихся в его распоряжении 132 надписях: исключительно такое ее написание

используется более чем в 80% случаев; в еще около 10% эпитафий буква ‘тав’ пишется на одних и тех же памятниках в характерной как для мелькитского – яковитского, так и для эстрангело – несторианского почерков (**Коковцов, 1909:779-780**).

Другим фактом, позволяющим усомниться в несторианской принадлежности намогильников, является вертикальное написание строк. По мнению ряда западных исследователей, таких как Land и Duval, приводимого Е.Н. Мещерской, вертикальное написание характерно для яковитского книжного письма (**Мещерская, 1987:135**). Впрочем ряд эпиграфических памятников с вертикальным написанием строк приводит Захау (**Sachau, 1882:142-167**). Ч. Джумагулов характеризует этот факт двусмысленно: “как писали несториане-тюрки? Большинство ученых признают у сирийцев вертикальное письмо” (**Джумагулов, 1971:18**), т.е. можно заключить, что для него *a priori* рассматриваемые памятники – несторианские, как и сирийская письменность – исключительно несторианская.

Другим характернейшим критерием для определения стилевых направлений сирийского письма является система огласовки. В яковитском она осуществляется проставлением строчных букв греческого алфавита над и под строками, в несторианском – аналогичным использованием точек, а мелькитский характеризуется отсутствием дополнительных знаков вовсе (**Мещерская, 1987:136**). На приводимых в многочисленных публикациях фотографиях и прорисовках надписей какие-либо диакритические знаки практически не просматриваются. Правда, Ч. Джумагулов говорит о применении точек для обозначения множественного числа, аналогичному их употреблению в тюркской рунике (**Джумагулов, 1971:25**). Мы не обнаружили каких-нибудь над- и подстрочных значков в опубликованном материале и при непосредственном осмотре доступных нам памятников. Но следует помнить, что вышеназванная характеристика приводится исследователями для книжного письма.

С другой стороны есть факты, однозначно относящие ряд надписей к христианам несторианского толка. П.К. Коковцов обратил внимание на наименования месяцев, имеющих у несториан свои названия, и недель, обозначаемых первыми строками соответствующих церковных гимнов (**Коковцов, 1909:789-794**). Но группа памятников со столь точной датировкой весьма ограничена.

Попутно следует отметить систему обозначения года в рассматриваемых памятниках. Он указывается в линейной и цикличной форме. Причем может использоваться как тот, так и другой вариант по отдельности, а могут и оба вместе. В ряде памятников датировка отсутствует вовсе. В цикличной форме используется 12-летний тюрко-монгольский животный цикл. При этом название

года дается, как правило, на тюркском языке. При использовании только такой формы дата фактически остается неопределимой.

При линейной форме летоисчисления в памятниках употребляются две различные эры: армянская, - единственный зафиксированный случай (Март 1894), и Александра. Подсчет случаев употребления последней не проводился, но ее употребление устойчиво. На значительном количестве камней при указанной цифре года название эры не указано, но из сопоставления чисел явствует, что имеется в виду несомненно эра Александра. В современной литературе она носит название селевкидской – по имени полководца и одного из приемников Александра Македонского – Селевка Никатора, и начинается в 311/312 гг. до н. э. Интересно отметить, что в сирийских книгах, вышедших из под пера как несториан, так и монофизитов, эта эра называется “греческой” (Пигулевская, 1941:83;История, 1958:75). Данный факт позволил П.К. Коковцову назвать употребление в названии эры имени Александра спецификой Семиреченских надписей (Коковцов, 1909:783).

Датируется семиреченская христианская эпитафия, в основном, XIII – XIV вв., но есть единичные памятники X – XII вв. и даже VIII в. (Хвольсон, 1886:88-89;Горячева, Перегудова, 1994:91-92). Впрочем, ранние датировки Краснореченских надгробий оспариваются В. Кляйном (Klein, 2000:207).

Суммируя вышесказанное о христианских надгробных надписях, можно констатировать наличие бесспорной группы несторианских надгробий и одного армянского (монофизитского – ?). Из текстов же подавляющего количества эпитафий делать заключение об их принадлежности какому-либо течению в христианстве представляется неправомерным. Сопоставления взглядов и наблюдений специалистов-филологов над палеографией не дает возможности однозначной интерпретации памятников как несторианских и требует дальнейших графологических изысканий с четкой аргументацией выводов. Кроме того, разбросанность публикаций памятников по различным изданиям, являющихся, во многом, библиографической редкостью, затрудняет новому поколению исследователей доступ ко всей базе источников, без чего, на наш взгляд, невозможны новые историко-культурологические выводы и даже затруднительно развитие положений, предложенных предшествующими исследователями, например, о форме ряда имен, идущих, по мнению А. Марра, из армянского языка (Март, 1894:348). Все это делает насущной потребностью составление “Корпуса христианской эпитафики Семиречья”.

Отдельные находки. “Несторианский крест”

Среди отдельных средневековых вещей, найденных в Чуйской долине и относящихся к христианству, можно выделить группы: нательные и близкие к

ним по размеру металлические и нефритовые кресты^{*}; терракотовые плакетки, упомянутые выше; детали интерьера (?); керамические сосуды. На последних трех группах предметов присутствует изображение соответствующей символики (крестов), нанесенной тем или иным способом. Относятся они к разным историко-культурным периодам, выделяемым исследователями: карлукскому, караханидскому, кара-киданьскому, монгольскому, т.е. к VIII – XIV вв. Во многих случаях более точная датировка затруднительна, ибо находки носят случайный, не стратифицированный характер. Общим для них является наличие изображения креста. Это обстоятельство сближает данную группу находок с надгробными христианскими камнями, рассмотренными выше.

Находки аналогичных изделий в Средней Азии в целом не многочисленны, но регулярны и известны во многих историко-культурных областях: в соседней Таласской долине (Ремпель, 1983:169-176), Чаче (Богомолов, 1994:71-78), Согде (Тереножкин, 1950:166; Беленицкий и др., 1982:217), Мерве (Логинов, Симпсон, 1994) и др. При описании таких христианских находок часто используется фраза, ставшая во многом штампом: “Несторианский крест”. Применение термина к описанию иконографически различных изображений (ср. Тереножкин, 1950:167; Мусакаева, 1994:46) ставит следующие за описанием культурологические выводы о принадлежности вещи именно несторианам под сомнение. К сожалению, нам не удалось отыскать исходной точки применения данного термина в литературе. На сколько можно судить, чаще всего имеется в виду крест с концами, расширяющимися от перекрестья к лопостям. Иногда указывается на его равноконечность. Но такая форма креста употреблялась как в Армении и Византии VI – X вв. (Армянские хачкары, 1973; Даркевич, 1966, таб. 15,21; Моран, 1982:255-256, рис. 429-430), так и в более западных районах, например в Ливерсе (Голландия), где несторианства никогда не было (Даркевич, 1966:8). Крест такой формы А. Донини называет “мальтийским” (Донини, 1989:160-161). Среди российских, и не только, наградных орденов эта форма также обычна и традиционна, к примеру – Георгиевский крест.

Приведенные примеры показывают неудачность термина и, во всяком случае, недопустимость отнесения предметов с его изображением к христианам-несторианам лишь на основании иконографии. Разнообразие же изображений крестов только с надгробников Чуйской долины (Джумагулов, 1987:134; Горячева, Перегудова, 1994:93) делает термин “Несторианский крест” попросту пустым.

---

^{*} В материалах, собранных Ф. Ротт с городищ Чуйской долины, имеется более 30 таких изделий. Пользуясь случаем автор выражает Ф. Ротт благодарность за предоставленную возможность ознакомиться с ними.

Таким образом, обзор имеющихся в распоряжении исследователей археологических материалов по средневековому христианству в Чуйской долине показывает невозможность его однозначной интерпретации в узко конфессиональном отношении. Этот вывод распространяется и на надгробные камни предмонгольского и монгольского времени, хотя эта группа представляется наиболее монолитной. Для каждого отдельного случая, отдельного памятника требуется индивидуальное рассмотрение всей совокупности имеющихся фактов.

2. Христианские течения в Средней Азии по данным письменных источников

Письменные источники по христианству в Средней и Центральной Азии неоднократно публиковались и анализировались. Это делалось в основном в контексте общехристианской тематики. Мы же попробуем акцентировать внимание на сведениях о конфессиональных течениях, сгруппировав источники по языковому признаку.

Китайские источники

Китайская письменная традиция замечает впервые христиан в Линьтао (совр. провинция Ганьсу в КНР) в 578 г, сообщая о семье Мар Саргиса, прибывшей в Поднебесную с Запада (**Кычанов, 1978,:76**). Достаточно ли употребления слова "мар" – эпитета духовного лица, священника, - для определения внутрехристианской ориентации семьи? Представляется, что не достаточно. Не делает такого однозначного вывода и Е.И. Кычанов.

Основное внимание вышеназванный исследователь в своей работе уделяет переводу и анализу исторических данных китайской стелы 781 г. В ней говорится о прибытии христианских миссионеров в Китай с Запада в 635, 714 (?) и 744 гг. – дважды из "страны Да Цинь" и один раз из "царского дворца [Балха]" и об основании христианской общины и монастырей. При этом религия названа "светлой верой". В тексте перевода нет указаний на различные течения внутри этой религии (**Кычанов, 1978:77-78**). По этому русскоязычному читателю, не знакомому с оригиналом и многочисленными его переводами на европейские языки, остается непонятным, почему как Е.И. Кычановым, так же как и рядом зарубежных исследователей, эти миссионеры и сама стела приписываются в комментариях несторианам. Возможно, при изложении основ учения, опущенного при переводе Е.И. Кычановым, есть соответствующие догматические положения. Или, быть может, заключение делается на основании анализа палеографии сирийскоязычных вставок в основной текст. Или же из употребления специфически несторианских терминов, которые не удалось точно отразить при переводе. Все же, вероятно, в самом тексте имеются однозначные послышки и

вывод не основан только на традиции и сопоставлении с сирийскими источниками.

Не менее существенно в интересующем нас аспекте наличие средневековых китайских переводов христианских текстов, выводимых из литературы христианского круга (**Кычанов, 1978: 81; Восточный Туркестан, 1992:544-549**).

Тюркские и ираноязычные источники

Знаменитая Суджинская руническая надпись, где употреблен термин "мар" (**Кляшторный, 1959**) так же не дает информации о конфессиональном течении христианства на севере Азии – на Енисее. Более того, ряд исследователей считает возможным относить это слово в ней к манихеям.

Несколько более определенная ситуация с тюркоязычными, написанными разной графикой, памятниками письменности из Восточного Туркестана. Но и в этой группе источников, очевидно, не все тексты могут быть атрибутированы как несторианские, хотя значительное число из них является однозначно таковыми (**Восточный Туркестан, 1992**).

Такой же вывод делается по согдо-, персо-, сирийскоязычным рукописям из различных мест Кашгарии (**Восточный Туркестан, 1992**).

Арабографичные источники

Выше рассмотренные группы письменных источников имеют, все же, опосредованное отношение к основной теме работы – распространению христианства в Сибири, Восточном Туркестане и Китае должно было предшествовать его появление в Средней Азии и Чуйской долине в частности. А об этом регионе наиболее информативными являются арабографичные авторы (т.е. арабо- и персоязычные, использующие арабскую графику для написания). Во многом их известия о христианстве в Туркестане введены в научный оборот В.В.Бартольдом и прежде всего в соответствующей работе (**Бартольд, 1996**). Однако он ставил себе целью показать наличие в регионе христианства в целом и пути его распространения в нем. Такой характер работы позволил включить значительное количество не арабографических известий и обширную информацию о культурной жизни Семиречья, но отнюдь не акцентировал внимания на внутри конфессиональных течениях. С позиции избранного нами метода и целей рассмотрим его данные, по возможности дополнив их другими.

Ал-Недим, говоря о 1-ой половине VIII в., приводит слова “достойного свидетеля”, по которым жители Согдианы были дуалистами и христианами (**Бартольд, 1996:264**).

172 ЗАМЕТКИ О ХРИСТИАНСТВЕ В ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЕ В СРЕДНИЕ
ВЕКА

О превращении “главной церкви” Тараза в соборную мечеть после захвата города в 893/894 г. эмиром Исмаилом сообщает Макдиси **(Бартольд, 1996:269)**. Заметим, что из этого следует наличие в городе и “не-главных” церквей. Тот же автор констатирует: в государстве Саманидов было много евреев и мало христиан **(Бартольд, 1996:269)**.

Согласно Нершахи, мечеть арабского племени бенуханзала в Бухаре находилась на месте христианской церкви **(Бартольд, 1996:269; Богомолов и др., 1994:15)**.

Впрочем, по словам того же автора, аналогичная ситуация была и в городе Мирки: мечеть в нем располагалась в здании бывшей церкви **(Бартольд, 1996:269)**

О христианских селениях Вазкерд на горе Шавдар к югу от Самарканда, и Винкерд в Уструшане, на границе с Чачем, сообщает ибн-Хаукаль **(Бартольд, 1996:269; Богомолов и др., 1994:14)**.

Абу Дулеф, а вслед за ним и Якут, пишут, что у гузов, обитавших вблизи Хорезма, был христианский храм, но без изображений, а также о том, что среди племени джикиль (так у В.В. Бартольда) “было много христиан”, и что последние жили в местности Бай **(Бартольд, 1996:277-278)**, т.е. в Восточном Туркестане, вблизи Кучи.

Шериф ад-Дин, говоря о событиях накануне монгольского завоевания, заверяет, что дочь последнего каракиданьского гурхана из рода Елюй Даши, ставшая женой Кучлука, была христианкой **(Бартольд, 1996:285)**. Сам же Кучлук, как и большинство его соплеменников-найманов, первоначально, до “совращения в идолопоклонство”, так же был христианином, о чем засвидетельствовано у Джувейни **(Бартольд, 1996:288)**.

Как бы подчеркивая преимущества власти мусульманских правителей, Закария Казвини и ал-Асир утверждают: там, где власть *осталась* (выделено нами – К.В.) в руках христиан, мусульманские купцы были обложены податью **(Петрушевский, 1966:143-14)**.

В свое время Истахри упоминал о христианской церкви около Герата **(Бартольд, 1996:269)**. О сохранении христианской общины в этом городе в 1320 г. сообщает Сейфи-йи Хараи, а о церкви в его округе несколько позднее, около 1340 г., мы находим данные у Казвени **(Петрушевский, 1966:145)**.

Из всех вышеприведенных известий арабографичных авторов невозможно сделать каких-либо положительных заключений о различных течениях

христианства в Средней Азии. Лишь вышеприведенное свидетельство Абу-Дулефа и ал-Асира некоторые исследователи трактуют как указание на монофизитов. Но периоды иконоборничества переживали разные течения христианства, отнюдь не только монофизиты (яковиты-?). Как правило после таких периодов шла реставрация положительного отношения к иконам и распятиям. Кроме того, говоря об армянском (монофизитском - ?) священнике, Рубрук свидетельствует о наличии у него креста с распятием (**Путешествие, 1957:127**).

Из источников этой группы лишь Бируни проводит различие между мелькитами, несторианами, яковитами и другими христианскими направлениями (**Бируни, 1957:317**). Заметим, что называя румов мелькитами и признавая окружающие их народы так же мелькитами, Бируни говорит о резиденции “митрополита мелькитов Хорезма и Хорасана” в Мерве, а их католикоса – “в Городе Мира (т.е. Иерусалиме - ? К.В.); он находится под властью антиохийского патриарха”. Так же он пишет о мелькитах в его родном Хорезме. Причем последние подчинялись митрополиту Хорасана. Мелькиты Хорасана, среди прочих праздников, отмечали день “поминовения Иоана-младшего из Мерва, которого убили в наше время” (**Бируни, 1957:317-318, 331**). То есть Бируни свидетельствует о наличии в Средней Азии, во всяком случае в Хорезме и Хорасане, церковной организации мелькитов, которая, среди прочего, занималась канонизацией своих последователей, принявших мученическую смерть за веру.

Информация Бируни о несторианах носит более обобщенный характер: “Большинство жителей Сирии, Ирака и Хорасана – несториане. Католикоса несториан ... назначает повелитель правоверных с согласия общины несториан” (**Бируни, 1957:317, 319**). Вызывает некоторое недоумение, почему Бируни пишет достаточно подробно о мелькитах, называя конкретные города, весь их церковный календарь и даже, что “всегда бывает четыре [патриарха]”, а о несторианах, которые составляли, по его же словам, большинство в Хорасане, – лишь общие сведения, не называя ни одной митрополии, в т.ч. в пределах Средней Азии.

Примечателен так же факт, что Бируни “не посчастливилось [встретить] кого-нибудь, кто исповедует учение яковитов или знает положения их веры” (**Бируни, 1957:358**). Другими словами их, вероятно, практически не было в Хорезме и землях, где пришлось странствовать Бируни на рубеже I – II тысячелетий.

Сирийские источники

Основное количество информации о христианстве в Средней Азии содержится в источниках на сирийском языке, ибо это был язык литургии Восточной Сирийской церкви. Его использовали как несториане и мелькиты

(православные), так и приверженцы монофизитского течения – яковиты и, долгое время, Армянская (Грегорианская) церковь. До нас дошло больше сообщений, вышедших из под пера несториан. О Средней Азии информация фрагментирована и разбросана по разным памятникам. При этом в исследованиях она приводится в связи с вопросами распространения христианства на Востоке вообще и церковного строительства, в частности – в Самарканде.

Одно из первых таких свидетельств относится к 549 г., когда посланцы христиан из владений эфталитов просили поставить им епископа. Ближайшим к ним духовным лицом, имевшим на это право, был глава Сирийской церкви, католикос несториан Мар Аба (540 – 552). Он находился в это время в заточении персидского шахиншаха (**Пигулевская, 1979:206–207**). Однако факт обращения к нему отнюдь не означает желания принять именно несторианское толкование христианства. После расколов на вселенских церковных соборах 431 и 451 гг., где доктрина, отстаиваемая Нестором (в 431 г. он являлся патриархом Константинопольским, т.е., фактически главой всех христиан), была признана еретической, предана анафеме и на его последователей начались гонения, последние нашли прибежище на Востоке, на землях находящихся под влиянием Сирийской Восточной церкви. Заметим, что на поместных соборах последней в 484, 497 и 544 гг. не было единогласия. Это были именно соборы христиан Востока, где преобладали несториане, но отнюдь не соборы Несторианской церкви. Мар Абу был освобожден из под ареста, а во владениях эфталитов (в Мерве - ?, Герате - ? К.В.) христианская (несторианская - ?) епархия была учреждена.

В свете вышесказанного представляется сомнительным, чтоб митрополии в Самарканде и Герате были учреждены во времена католикосов Ахая (410 – 415) или Шилы (505 – 523), как это приписывается несторианской традицией – зачем же ехать в далекий Ктесифон, если рядом есть митрополии, главы которых вполне могут рукоположить епископа! Более вероятным временем основания митрополии в Самарканде представляется время католикоса Яшояба II (628 – 643/646) (**Восточный Туркестан, 1992**). Именно при нем, в 635 г., миссия Алобена из "царства Да Цинь", о которой говорилось выше, прибыла в Китай (**Кычанов, 1978:77**). Косвенным указанием на середину VII века, как времени основания Самаркандской митрополии, является известие об обращении "тюркского кагана со всем его войском", как о том сообщается в Житии несторианского митрополита Мерва Илии (**Никитин, 1984:124**). Однако есть возражения и против этой даты. Н.В. Пигулевская подчеркивает, что в текстах писем Яшояба II речь идет о "поддержании попечительства о далеких приходах", а не об основании новых (**Пигулевская, 1979:216**). С другой стороны В.В. Бартольд в одном из примечаний, со ссылкой на Guidi, пишет о том, что "в списке несторианских епископов, участвовавших в синодах 410 – 677 гг., мы не находим

трансоксианских епархий. Лишь под 533 г. упоминается о епископе из Мерверруда. Но это единственное упоминание данной епархии” (**Бартольд, 1996:261**). В.В. Бартольд называет еще одного несторианского католикоса, Селибазеха, жившего в 701/702 – 729/730 гг. (**Бартольд, 1996:264**) или 713/714 – 727/728 гг. (**Пигулевская, 1979:220**), при котором, согласно "традиции", была основана митрополия в Самарканде. При этом он ссылается на “церковные хроники” Абу-л-Фараджа (*Barhebraei. Chronicon ecclesiasticum*), основанной на более ранней хронике Илии Нисибинского (**Бартольд, 1996:264-265**).

Заметим, что оживление несторианской деятельности в Средней Азии, будь то при католикосах Яшоябе II или Селибазехе, как о том повествуют разные источники, приходится на время арабского завоевания и владения этими территориями. Похоже, что христиане пришли вместе с арабами-мусульманами. И парадокс здесь только видимый – многие христиане-сирийцы занимали высокие должности в администрациях мусульманских правителей, например, в качестве личных врачей. Впрочем, среди самих арабов также были христиане, причем различных толков (**Пигулевская, 1964**).

Следующая группа сообщений сирийцев-несториан в рассматриваемом контексте связана с деятельностью во времена католикоса Тимофея I (778 – 823). В частности сообщается о миссии монаха Шубхалишо из ассирийского монастыря Бет-Хобех в районы от Прикаспия до Центральной Азии и Китая. Ему приписывается обращение в христианство (несторианского толка) помимо язычников и манихеев, огнепоклонников, а также христиан-маркионитов (**Никитин, 1984:126**).

В одном из посланий самого патриарха говорится об обращении в христианство каких-то тюркских племен. В другом послании называется одно из таковых – тибетаны, и сообщается, что у них была образована митрополия. Эти данные А.Б. Никитиным приводятся в своих работах со ссылкой на исследования Draun, Labourt, Sachau, Nau (**Никитин, 1984:126-127; Восточный Туркестан, 1992:539**), а В.В. Бартольд опирается в этом случае на *Assemani. Bibliotheca orientalis* (t.III, pars. 2, p.482). Ряд исследователей помещают тибетанов в районе Кашгара. Под другими "тюркскими племенами", от хакана которых Тимофей I получал письма, видят карлуков. Подтверждают это, помимо сложившейся на то время политической конъюнктуры тем, что Амр б. Матта, в составленном им в середине XIV века списке существовавших когда-либо несторианских метрополий, наряду с Гератом, Мервом, Самаркандом, Туркестаном, Невакетом и Кашгаром, Тангутом называет митрополию "халлухов" (**Бартольд, 1996:265; Кляшторный, 1959:168; и др.**). А.Б. Никитин считает, что именно в это время несториане Семиречья получили свою церковную организацию (**Никитин, 1984:127; Восточный Туркестан, 1992:538-539**). Впрочем он, ссылаясь на

найденные Messin'ом аналогичные сведения, относящиеся ко времени католикоса Илии III (1176 – 1190), заключает: “возможно, в какой-то период христианская церковь в этом районе пришла в упадок, а затем [при караханидах – К.В.], в эпоху “сирийского ренессанса”, кашгарская митрополия была восстановлена” (**Восточный Туркестан, 1992:539**).

Последний по времени из известных нам сирийских несторианских источников о христианстве в Средней Азии, относятся к монгольскому времени, к 1245 – 1281 гг. Это повествование о путешествии двух человек из Ханбалыка и “города Кошанга восточной земли” в Малую Азию. Там один из них, Маркос, сын Байниэюля из Кошанга, был провозглашен католикосом Ябалахом III (1281 – 1317) (**История, 1958**). Интересно отметить, что в монахи Маркос “был пострижен, то есть получил схиму от чтимого *митрополита* (выделено нами – К.В.) Несториса в 1275 г. в районе современного Пекина (**История, 1958:64**). Выйдя из Ханбалыка, они прошли через земли тангутов, по южной дороге через Кашгарию и Среднюю Азию, где встретили в ряде мест несторианские общины. Впрочем, этот путь описан на семи страницах рукописи (14-20) и трех в русском переводе. При этом названы топонимы, по которым выстраивается маршрут: Ханбалык – Кошанг – Тангут – Лутан (Хотан ?) – Кашгар – Талас – “монастырь мар Сехиона, что близ города Туса” в Хорасане. Примечательно, что христиане от Тангута до Хорасана не упоминаются, что, конечно, не говорит об их отсутствии (**История, 1958:66-67**). Ведь когда Маркос принимал “хиротонию, то есть рукоположение, чтоб держать бразды правления Восточной церкви”, среди присутствующих при этом назван “мар Иакоб, митрополит Самарканда”.

Приведенные указания на сирийские несторианские источники слишком незначительны, чтоб делать выводы о монопольном положении несториан в Средней Азии, хотя из них нельзя сделать и обратного заключения – христиане других направлений, за исключением упоминания о маркионитах, не называются.

Но в сирийской литературе имеются данные и о других христианских течениях на востоке Азии. Так, поставлением епископов в Седжистане и Герате мафрианом (париахом) яковитов Маруфой (624 – 649) начинается церковное строительство монофизитов в регионе (**Бартольд, 1996:265**). Со времен католикоса Тимофея I (778 – 823) происходит некоторое сближение между разными христианскими течениями Востока, что отразилось в посланиях лидера несториан по христологической полемике (**Восточный Туркестан, 1992:542**). Можно предполагать, что формальное подчинение мелькитов и монофизитов халифата власти католикоса, что было сделано при главе несториан Сабаръеше III (1062 – 1072), позволило первым более свободно вести пропаганду своих взглядов на востоке исламской империи (**Бартольд, 1996:266; Восточный Туркестан, 1992:542-543**). Вероятно эти факторы, наряду с необходимостью консолидации

для идейного противостояния исламу, позволили несторианскому католику Эбедьешу III и мафриану яковитов Дионисию прийти в 1142 году к примирению (Бартольд, 1996:266).

Как показано выше, вся сирийская литература рисует картину *преобладания* несториан в Средней Азии, но отнюдь не присутствия в регионе христианства только одного направления.

Европейские источники

Некоторое косвенное подтверждение такому выводу можно найти в сочинениях европейцев, побывавших несколько позднее, в XIII – XIV вв., в монгольских владениях и при дворе их владык. По видимому, наиболее информативными из них являются произведения Плано Карпини, Гильома Рубрука и Марко Поло.

Плано Карпини в 1245 – 1247 гг. совершил путешествие в Каракорум, где стал свидетелем иногации Великого хана Гуюка. Основная цель этого предприятия заключалась в сборе военной информации – слишком свежи были на Западе переживания монгольского похода 1242 – 1243 гг. Но попутно собирались также другие данные, в том числе о религиях жителей территорий, по которым проезжал путешественник. Он отмечает существование в монгольских владениях "яковитов" и "несториан" (Путешествия, 1957:266). К примеру, люди "земли Гуиров", вероятно уйгуры, названы им "христианами несторианской ереси" (Путешествия, 1957:39). При характеристике некоторых черт Гуюк-хана приводится такая фраза: "Он держит христианских клириков...; и они поют всенародно и открыто и звонят к часам, согласно обычаю Греков, как и прочие христиане" (Путешествия, 1957:79-80), в которой можно усмотреть намек на мелькитов (хотя весьма спорный). В остальных местах своего сочинения Плано Карпини не выделяет представителей различных течений, а всех называет христианами (Путешествия, 1957:41, 47 и др.).

Заметим, что жители Семиречья и сопредельных территорий называются им язычниками и "закона сарацинского" (Путешествия, 1957:72-73).

Вскоре, в 1253 – 1255 гг., примерно такое же путешествие совершил другой монах – Гильом Рубрук. Его данные о христианстве в Средней Азии более полны. При описании своего пребывания в ставке Менгу-хана, он постоянно противопоставляет несториан и некоего армянского монаха Сергиса, т.е. представителя Армянской (Грегорианской - ? К.В.) церкви. Причем в ряде случаев представители разных христианских течений – несториане, монофизит Сергис и католик Рубрук, действовали совместно, как в споре с "идолопоклонниками" (Путешествия, 1957:168–173). Более того, они поочередно совершали

178 **ЗАМЕТКИ О ХРИСТИАНСТВЕ В ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЕ В СРЕДНИЕ
ВЕКА**

богослужения в одних и тех же сооружениях, используя одну и ту же церковную утварь (**Путешествия, 1957:127–130, 138-140**).

Бесспорно интересно сообщение Рубрука о крестах: “изображения Спасителя на нем не было, так как армяне и несториане стыдятся показывать Христа пригвожденным ко кресту”. Но буквально страницей ниже читаем про армянского священника: была “у него маленький крестик с выпуклым изображением Спасителя” (**Путешествия, 1957:150-151**).

При описании Семиречья, названного им "Органум", как и земли "югуров", он упоминает из христиан только несторианское течение (**Путешествие, 1957:126-127**).

Марко Поло, будучи купцом, а не монахом, меньше внимания уделяет вероисповеданиям встречаемых им народов и проезжаемых стран. Но он упоминает о христианах в ряде владений и городов Средней Азии и Кашгарии. О жителях Кашгара и Яркенда он определенно говорит: “сарацины” и “несториане”, а в конфессиональную палитру Тангута добавляет идолопоклонников (**Книга, 1956:77-80**). Впрочем, подобная картина рисуется им для многих западнокитайских и восточнотуркестанских городов. А вот жителей Самарканда он называет просто христианами; при этом остается непонятным, скрывается ли за этим указанием на наличие различных течений или безразличие к вопросу самого автора (**Книга, 1956:77**).

Таким образом, и в европейских средневековых известиях о христианстве в интересующем нас регионе для XIII в. указывается на представителей двух течений – несториан, которые преобладали, и монофизитов – правда уже не яковитов, а армян (грегориан).

* * *

Проведенный анализ наличных археологических источников и данных письменной традиции приводит к выводу о необходимости более тщательно и сдержанно, без штампов, подходить к вопросу о средневековом христианстве в Средней Азии и в Чуйской долине в частности. Безусловно, христианство существовало на этой территории с раннего средневековья вплоть до XIV века, причем в большей степени, возможно – подавляющей, несторианского толка. Но были здесь яковиты и армяне, т.е. монофизиты, а также мелькиты и маркиониты.

Вопрос о времени проникновения христианства в Семиречье и, тем более, о его конфессиональных течениях, как нам представляется, в настоящее время должен оставаться открытым. Для интерпретаций в узко конфессиональном аспекте среднеазиатского христианства еще предстоит серьезная работа

филологов с первоисточниками, публикация которых на Западе продолжается, и вдумчивый анализ уже опубликованных материалов.

Анализируя же археологический материал и производя его узко конфессиональную атрибуцию, следует четко аргументировать свои выводы выделяя такие категории артефактов, которые однозначно присущи только данному течению христианства.

В этом свете многообещающими выглядят продолжающиеся работы на VIII объекте городища Ак-Бешим, на т.н. “Христианском комплексе”.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Армянские хачкары., (1973) – Эгчмарабзин..

БАРТОЛЬД В.В., (1996), О христианстве в Туркестане в домонгольский период // **Избранные труды по истории Кыргызстана.** – Бишкек.

БЕЛЕНИЦКИЙ А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., Исаков А.И., Раскопки древнего Пенджикента в 1976 г. // **АРТ**, Вып.XVI (1976),. – Душанбе: Дониш, 1982. – С. 197-221

БЕРНШТАМ А.Н., (1941), **Археологический очерк Северной Киргизии.** - Фрунзе.

АБУ РЕЙХАН БИРУНИ., (1957), Памятники минувших поколений // **Избранные произведения**, Т. 1. – Ташкент.

БОГОМОЛОВ Г.И., (1994), О христианстве в Чаче // **Из истории древних культов Средней Азии. Христианство.** – Ташкент.

БОГОМОЛОВ Г.И., Буряков Ю.Ф., Жукова Л.И., Мусакаев А.А., (1994), Шишкина Г.В., Христианство в Средней Азии // **Из истории древних культов Средней Азии. Христианство.** – Ташкент.

БОРИСОВ А.Я., Эпиграфические заметки. Сиро-тюркская надпись из развалин Сарыка // **ЭВ**, Вып. XV, 1963.

ВОЛИН С., Сведения арабских источников IX – XIV вв. о долине реки Талас и смежных районах // **ТИАЭ АНКазССР**, Т.8 / Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. – Алма-Ата, 1960.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. (1992), – М.

ВЫСОЦКИЙ А.М., (1989), Христианский памятник на городище Ак-Бешим: интерпретация, датировка, реконструкция // **Бактрия и Тохаристан на древнем и средневековом Востоке.** – М.

ВЫСОЦКИЙ А.М., (1990), Христианский памятник на поселении Дуге-Чакын около Мерва: интерпретация, датировка, реконструкция // **Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье.** – М.

ГОРЯЧЕВА В.Д., (1994), Перегудова С.Я., Памятники христианства на территории Кыргызстана // **Из истории древних культов Средней Азии. Христианство.** – Ташкент.

ДАРКЕВИЧ В.П., Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X-XI вв.) / **САИ, Е1-57.** – М, 1966.

ДЖУМАГУЛОВ Ч.Д., (1971), **Язык сиро-тюркских (нехристианских) памятников Киргизии.** – Фрунзе.

ДЖУМАГУЛОВ Ч.Д., (1987), **Эпиграфика Киргизии.** Вып.3. – Фрунзе.

ДОНИНИ А. У., (1989), **Истоки христианства.** – М.

История мар Ябалахи III и раббан Саумы / Пер., ком., вступит. статья Н.В.Пигулевской – М, 1958.

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г., Историко-культурное значение Суджинской надписи // **Проблемы Востоковедения,** 1959, № 5

Книга Марко Поло. – М, 1956.

КОКОВЦОВ П.К., К сиро-тюркской эпиграфике Семиречья // **Изв. ИАН,** VI серия, Т.III, 1909, № 11.

КЫЗЛАСОВ Л.Р., Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // **ТКАЭЭ,** Т.2. – М.: Издат. АН СССР, 1959.

КЫЧАНОВ Е.И., Сирийское нехристианство в Китае и Центральной Азии // **ПС,** Вып. 26 (89), 1978.

ЛОГИНОВ С., Симпсон О.Дж., Раскопки в Мерве на городище Эр-Кала в 1992-1993 гг. // **ТД МК Мерв в древней и средневековой истории Востока.** – Мары, 1994.

МАРР Н., Надгробный камень из Семиречья с армянско-сирийской надписью 1323 г. // **ЗВОРАО**, Т. VIII, СПб., 1894.

МЕЩЕРСКАЯ Е.Н., Сирийская рукописная книга // **Рукописная книга в культуре народов Востока**. – М., 1987.

АНРИ ДЕ МОРАН., (1982), **История декоративно-прикладного искусства**. – М.

МУСАКАЕВ А.А., О несторианам в Средней Азии // **Из истории древних культов Средней Азии. Христианство**. – Ташкент, 1994.

НИКИТИН Н.В., Христианство в Центральной Азии. Древность и средневековье // **Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи**. – М.: Наука, ГРВЛ, 1984.

ПАНТУСОВ Н., Христианское кладбище близ города Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // **ЗВОРАО**, Т. I, (Вып. II), 1886.

ПЕТРУШЕВСКИЙ И.П., К истории христианства в Средней Азии // **ПС**, Вып. 15 (78) / История и филология стран Ближнего Востока. – М., 1966.

ПИГУЛЕВСКАЯ Н.В., Сирийские источники по истории народов СССР / **ТИВ**, Т. XLI. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

ПИГУЛЕВСКАЯ Н.В., Византия и Иран на рубеже VI-VII вв. / **ТИВ**, Т. XLVI. – М.-Л.: Издат. АН СССР.

ПИГУЛЕВСКАЯ Н.В., (1964), **Арабы у границ Византии и Ирана в IV – VI вв.** – М.-Л.

ПИГУЛЕВСКАЯ Н.В., Культура сирийцев в средние века. – М.: Наука, ГРВЛ, 1979. – 248 С.

Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М.: Издат. географ. лит-ры, 1957. – 270 С.

РЕМПЕЛЬ Л.И., (1983), Каменный сосуд из Турткуль-тобе // **Художественная культура Средней Азии в IX – XIII вв.** – Ташкент.

СЕМЕНОВ Г.Л., Монастырское вино Семиречья // **Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского**. ТД. – СПб., 1999.

ТЕРЕНОЖКИН А.И., Согд и Чач // **КСИИМК**, Вып. XXXIII, М.-Л., 1950.

182 **ЗАМЕТКИ О ХРИСТИАНСТВЕ В ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЕ В СРЕДНИЕ
ВЕКА**

ХВОЛЬСОН Д., Предварительные заметки о найденных в Семиреченской области сирийских надгробных надписях // **ЗВОРАО**, Т. I, (Вып. II) – СПб., 1886.

ЯДРИНЦЕВ Н., Археологические изыскания и открытия д-ра Пояркова близь Токмака // **ЗИАН**, Т. 52. – СПб., 1886.

KLEIN W., Das Nestorianische Christentum an Den Handelswegen Durch Kyrgyzstan Dis Zum 14. Jh. / **Silk Road Studies III**. – Turnhout: Brepols Publishers, 2000.

SACHAU E., Edressenische Inschriften // **ZDMG**, Bd.36 – 1882

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АРТ – Археологические работы в Таджикистане в 19..... г.

ГРВЛ – Главная редакция Восточной литературы

ЗВОРАО – Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества

Изв. ИАН – Известия Императорской Академии Наук

КСИИМК – Краткие сообщения [и доклады о полевых исследованиях] Института Истории Материальной культуры

ПС – Палестинский сборник

САИ – Свод археологических источников

ТД МК – Тезисы докладов Международной конференции

ТИВ – Труды Института Востоковедения АН СССР

ТИИАЭ АНКазССР – Труды Института Истории, Археологии и Этнографии Академии Наук Казахской ССР

ТКАЭЭ – Труды Киргизской Археолого – Этнографической экспедиции

ЭВ – Эпиграфика Востока